

Глава 1

Сюнь Фэн считал свои условия вполне умеренными, но старик напротив надолго погрузился в раздумья.

«Гу... Янь... Цзинь? — Юноша опустил взгляд, а пальцы его бесцельно чертили что-то на коленях. — Нет, в грамоте было не так. Ягнячи потроха, и зачем эти ученые мужи берут себе такие сложные имена? То ли дело мое — простое “Фэн”, и звучит хорошо, и запомнить легко»

Он изящно поднес к губам чашку из белого нефрита. Её стенки были такими тонкими, что на солнце просвечивали насквозь, озаряя изумрудный настой. Чаинки, медленно кружась в воде, походили на картину, написанную тушью.

«Пятьсот лянов золота... — Полюбовавшись мгновение, он мысленно пожалел о своей скромности. — Мало запросил, ох мало»

Сделав глоток, он невозмутимо поставил чашку на стол. Сюнь Фэн никогда не понимал, отчего богачи так любят горький чай. Сладкая вода куда лучше. Прочистив горло, он властно произнес:

— Раз так, то забудем об этом.

Седая борода господина Вана дрогнула, а спина мгновенно согнулась в дугу.

— Господин Гу, — взмолился он, сложив руки в почтительном жесте, — вы должны дать мне время подумать. Это ведь немалая сумма.

Юноша медленно улыбнулся:

— Я проявил сочувствие к твоей седой голове, зная, что в шестьдесят лет тюрьмы не выдержать, и дал тебе шанс. Не думал, что ты его не оценишь.

Старик рукавом утер холодный пот со лба. Он был наслышан о грозной славе Гу Яньдина, чрезвычайного уполномоченного, лично назначенного императором для расследования взяточничества в Наньсюне. Едва прибыв, тот железной рукой сместил более тридцати чиновников, казня их без суда и следствия. Запах крови с рыночной площади до сих пор не выветрился.

— Я всего лишь преподнес скромные дары управе префектуры, — осторожно проговорил собеседник, сглотнув. — За что же мне платить пятьсот лянов золота?

Сюнь Фэн, не говоря ни слова, резко взмахнул рукавом и направился к выходу.

Господин Ван в ужасе бросился за ним:

— Господин, господин Гу!

Тот остановился и бросил на него короткий взгляд:

— Что еще?

Спина старика согнулась почти пополам.

— Ваша милость снизошла до меня, — подобострастно улыбнулся он. — Я, разумеется, все преподнесу вам на блюдечке.

Пятьсот лянов золота были почти в руках, но Сюнь Фэн лишь холодно бросил:

— Преподнесешь? Что преподнесешь? Я ничего такого не слышал.

— Господин... — Господин Ван был полон раскаяния. — Я по глупости своей оскорбил вас. Вы — образец неподкупности и честности, пример для всех чиновников, ясное небо Наньсюня.

— Преувеличиваешь, преувеличиваешь! — усмехнулся юноша.

— Вы прибыли сюда на службу, ваш труд неоценим. В знак благодарности за вашу добродетель я подношу вам освященные в храме Линъинь сутры. Да будет ваша жизнь долгой и счастливой.

Тот слегка кивнул:

— Я слышал, что благовония в храме Линъинь курятся не переставая.

Хозяин дома удалился во внутренние покои. Спустя долгое время двое слуг вынесли сверток. Сюнь Фэн втайне возрадовался: пятьсот лянов золота у него в кармане!

Вернувшись в гостиницу, он развернул сверток. Внутри оказались священные книги. Он перелистнул пару страниц, и тут же в глазах сверкнул золотой блеск — между страницами были спрятаны золотые листья. Сюнь Фэн взял один, взвесил на ладони — не меньше пяти цяней. Всего было тридцать книг, в каждой — около тридцати золотых листьев. Итого?.. Впрочем, считать было лень. Он понадеялся, что господин Ван не посмел его обмануть.

Юноша позвал слугу, велел принести ведро горячей воды и смыл с лица грим. Вода в медном тазу постепенно мутнела, и на ее подрагивающей поверхности отразилось изящное и красивое лицо. У человека в воде были чуть впалые глаза с бледными бровями; единственным темным пятном были ресницы. Сюнь Фэн поднял веки, и во влажном блеске густых ресниц отразилась пара ясных, как осенняя вода, глаз.

Он сменил одежду, бросил старую в таз и сжег дотла. Затем, закинув ногу на ногу, растянулся на кровати, вертя в пальцах золотой лист. Комната наполнилась сиянием.

«Три месяца плел сети, и только сегодня попалась жирная рыбка. Тяжелые нынче времена, деньги зарабатывать нелегко. Но пятисот лянов золота хватит надолго»

Солнце клонилось к закату, небо темнело. Сюнь Фэна клонило в сон. В полудреме он прижал к себе книги с золотом, как вдруг раздался стук. Он мгновенно насторожился и, сунув руку под подушку за кинжалом, спросил:

— Кто там?

«Неужели этот старик опомнился и донес властям?»

— Гость, не угодно ли зажечь масляную лампу? — произнес темный силуэт за дверью. — В комнате темно, неудобно.

Юноша не расслабился. Он спрыгнул с кровати, бесшумно подошел к окну и приоткрыл его. Окно выходило в тихий переулок, вокруг ни души. Слуга у двери повторил:

— Гость, не угодно ли зажечь масляную лампу?

— Не нужно.

— Всего три вэня. Наши лампы не коптят и не чадят.

Сюнь Фэн крепче прижал к себе книги.

— Три вэня? За три вэня можно купить сладкую лепешку! Что за грабеж! Луна светит так ярко, зачем мне лампа? Уходи, уходи.

Слуга скривился. С виду господин, а на деле — скряга, которому жаль трех вэней!

Юноше казалось, что десятки глаз жадно следят за его сокровищем. В Наньсюне оставаться нельзя. Собирать было нечего. Он перекинул сверток через плечо, легко и бесшумно спрыгнул

из окна, приземлившись без единого звука.

Наньсюнь принадлежал Хучжоу, и водные пути расходились отсюда во все стороны. Сюнь Фэн собирался плыть в префектуру Ханчжоу, но, услышав звуки пипы с воды, свернул на цветочную лодку.

— Ты обманул меня, — прекрасная девушка стояла за стулом, ее глаза, полные слез, напоминали два озера. В руке она держала платок, но слезы не утирала, позволяя им, словно жемчужинам с оборванной нити, катиться на плечо юноши.

Розовый платок источал аромат. Роняя «жемчужины», она стирала капли вина с его губ.

— Если не хочешь быть со мной, так и скажи. Я знаю, что я низкого происхождения. Если господин хочет уйти, пусть уходит!

Платок мешал Сюнь Фэну, он выхватил его и сунул за пазуху. Девушка заметно расслабилась, на ее губах даже появилась тень улыбки. Юноша допил вино и беззаботно рассмеялся:

— Тогда я пошел.

Она топнула ногой, ее хрупкие плечи задрожали, а жемчужные украшения в волосах зазвенели. Сюнь Фэн обошел её, осторожно поправил сбившуюся шпильку и, вынув платок, вытер её слезы.

— Ты же знаешь, я не выношу, когда ты плачешь. Мое сердце разрывается.

— Почему ты уходишь? — всхлипнула она.

— Еду на похороны, — соврал он.

— Ах... — Красавица явно не ожидала такого ответа, на ее лице отразилось смущение. Сюнь Фэн усмехнулся.

— Ну все, я пошел. Не скучай без меня, не заставляй меня одного томиться от тоски.

Девушка застенчиво перебирала пальцами и, опустив голову, прошептала:

— Угу.

Юноша досыта наелся, вдоволь напился и насладился красотой. Он чувствовал себя прекрасно с головы до ног, даже в костях разливалась приятная нега. Его голос стал еще мягче, тон нежнее, а взгляд — глубже.

— На днях я слышал, ты кашляла. Возьми это.

— Что ты мне еще даришь? — с любопытством спросила она.

— Засахаренная апельсиновая цедра. Если в горле запершит, положи одну под язык.

Девушка крепко сжала фарфоровый флакончик, ее сердце трепетало. Сюнь Фэн любил и ценил красоту, но через месяц-другой она ему наскучивала, а слезы и вовсе раздражали. И все же она провела с ним какое-то время. Скрепя сердце, он достал золотой лист, вложил ей в руку и, стараясь не смотреть на него, сказал:

— Ну все, я пошел. Бао Янь, вспоминай меня иногда.

Сюнь Фэн уходил быстро, боясь передумать. Девушка ошеломленно смотрела на золотой лист, и слезы хлынули с новой силой. Она в ярости швырнула его на пол и принялась топтать ногами.

— Какая я тебе Бао Янь? Мы были вместе несколько месяцев, а он даже имени моего не запомнил!

— Что ж, так даже лучше, — прошептала она, поднимая золото. Слезы капали на металл, и от каждой капли он, казалось, сиял еще ярче. — Это я в выигрыше. Ему не нужно было мое тело, он лишь просил меня пить с ним вино и петь песни. Это я в выигрыше...

Выйдя из комнаты, юноша поднялся на палубу подышать свежим воздухом. В свете фонарей река блестела золотом, все больше напоминая ему его добычу.

— Хорошо, что не опьянел, — вздохнул он, — а то отдал бы целое дерево золотых листьев.

— Уже поздно. В префектуру Ханчжоу отправлюсь на рассвете.

Сюнь Фэн крепче прижал сверток и попросил хозяйку приготовить ему чистую комнату. Коридор был узким, люди сновали туда-сюда. Внезапно он почувствовал резкую боль в плече, а в следующий миг его руки оказались пусты. Плохо дело, его золотые листья!

Он бросился в погоню, но вокруг каждый казался подозрительным. Выпитое вино замедлило реакцию, и он не увидел даже тени вора. Погоревав немного, юноша смирился.

«Видно, сами небеса не хотят, чтобы я здесь оставался. Что ж, не буду. Префектура Ханчжоу куда богаче Наньсюня, там золото под ногами валяется. Заработаю еще, ягнячьи потроха»

Он был человеком беззаботным и даже рассмеялся.

«Ха, воришка, наверное, в обморок упадет, когда увидит целый мешок золотых листьев»

— Давно не виделись, брат Сюнь, а ты все так же блистателен.

Сюнь Фэн с улыбкой поднял глаза и удивленно воскликнул:

— Брат Белая Птица!

Ши Динъюу протянул ему сверток:

— Возвращаю владельцу.

— Так это твоих рук дело! — догадался юноша. — Твое мастерство стало еще совершеннее.

Ши Динъюу, с его алыми губами, белыми зубами и ясными бровями, походил на изящного ученого, но на самом деле был известным разбойником. В этом они с Сюнь Фэном были похожи, как две капли воды.

Тот взял сверток, но не стал проверять содержимое. Улыбка Ши Динъюу стала шире. Сюнь Фэн велел хозяйке накрыть новый стол, и они принялись пить.

— После расставания в Майчэне прошло уже два года, не так ли?

— Да, — собеседник пристально посмотрел на юношу, — ты тогда бежал так быстро, что, наверное, и башмаки потерял.

— Ха-ха-ха! — Сюнь Фэн поднял чашу, скрывая лицо.

Что поделать, если этот птенчик тогда взбесился и требовал, чтобы он его взял. Сюнь Фэн был не любитель таких развлечений. Ши Динъюу внимательно оглядел друга и осторожно спросил:

— Брат Сюнь, ты, кажется, отдалился от меня.

Тот налил ему вина:

— Разве ты не знаешь, как хорошо я к тебе отношусь? Зачем говоришь такие слова, что ранят сердце?

Услышав это, Ши Динъюу смягчился.

— Хорошо, не будем об этом. Пьем!

Они осушили чаши до дна и принялись болтать о том о сем. Сюнь Фэн подумал, что если бы не желание друга затащить его в постель, птенчик Белая Птица был бы просто душкой.

Выпив половину кувшина, Сюнь Фэн почувствовал, что чего-то не хватает. Он взмахнул рукой, и в комнату вошли десятки мужчин и женщин — все как на подбор, красивые и свежие. Люди из мира развлечений были искушены. Без лишних слов каждый занялся своим делом. Сюнь Фэн прикрыл глаза от удовольствия.

«Вот это жизнь, вот это веселье»

— Брат Белая Птица, — проявил он щедрость, — выбирай любого. Не стесняйся.

Тот оттолкнул юношу, пытавшегося прильнуть к нему, и холодно произнес:

— Ты совсем не изменился.

— Я не люблю меняться, — ответил Сюнь Фэн, подцепляя палочками еду. — Слишком много хлопот.

Ши Динъюу долго молчал, глядя на девушку, прислуживавшую Сюнь Фэну. Та, заметив его взгляд, кокетливо улыбнулась:

— Господин, я умею петь. Что бы вы хотели услышать?

— Спой-ка «Восемнадцать касаний», — подумав, сказал юноша.

Девушка не солгала — пела она восхитительно, каждый звук ее голоса был словно крючок, цеплявший душу. Ши Динъюу холодно наблюдал со стороны. У Сюнь Фэна была привлекательная внешность и ветреный нрав. Его глаза были полны людей, а сердце — денег. Он вспомнил, как унижался, умоляя Сюнь Фэна быть с ним, но тот лишь отнекивался, а потом и вовсе сбежал.

Ши Динъюу придвинулся к другу и, взяв его за руку, принялся нежно поглаживать пальцы. Сюнь Фэн, покачивая головой в такт песне, не удивился. Он лишь сжал его руку в ответ и тихо

спросил:

— Что случилось, добрый друг?

— Брат Сюнь, ты собираешься прожить всю жизнь в разгуле? — спросил собеседник, глядя на их сплетенные руки.

— Всю жизнь я буду странствовать, — с легкой улыбкой ответил юноша.

Первые лучи солнца озарили бирюзовую гладь. Легкая лодка покачивалась на волнах. Сюнь Фэн перевернулся на другой бок, чувствуя ритмичные движения.

«Неужели я уснул у кого-то на животе?» — пробормотал он.

— Можно и так сказать, — рассмеялся лодочник. — Мы сейчас по брюху самого Короля-Дракона гуляем!

Услышав старческий голос, юноша резко очнулся. Лицо его позеленело.

«Неужели я спал не с прекрасной девой, а со стариком?»

— Господин проснулся, — сказал лодочник, налегая на весла.

Сквозь бамбуковую занавеску виднелся блеск воды. Сюнь Фэн сел:

— Старик, как я оказался на лодке?

— Господин сказал, что ему нужно в префектуру Сунцзян. Или вы шутили надо мной?

— В Сунцзян? — Сюнь Фэн краем глаза заметил свой сверток и успокоился. — Какая разница, куда. Главное, подальше от Наньсюня.

Он потянулся за вещами, но почувствовал, как что-то укололо его в бок. Пошарив рукой, он вытащил нефритовую подвеску, точнее, ее половину. Белый, как бараний жир, нефрит был высшего качества. На нем был вырезан иероглиф «Юнь». Сюнь Фэн поднес его к солнцу, любуясь.

«Но откуда оно у меня?»

Он долго думал и наконец вспомнил. Прошлой ночью, напившись, он пытался всучить золотой лист птенчику. Тот отказывался, и Сюнь Фэн рассердился. Другу пришлось взять золото и в ответ подарить свое «сокровище».

Эта половинка подвески, видимо, и была тем самым подарком. Чем дольше юноша смотрел на нее, тем больше она ему нравилась.

«Один золотой лист потрачен не зря. Птенчик и впрямь хороший друг»

Он привязал подвеску к поясу, открыл сверток и пересчитал золотые листья. Все были на месте. Солнце приятно грело. Сюнь Фэн вышел на нос лодки, наблюдая, как медленно поднимается светило. Утренний свет озарил мир золотистым сиянием, делая все вокруг мягким и пушистым.

«Префектура Сунцзян, — лениво подумал он. — Интересно, найдутся ли там жирные рыбки?»

<http://bllate.org/book/16000/1441205>